

УЧЕНИЕ КАНТА О СУЩНОСТИ И ЯВЛЕНИИ *

Вопрос о соотношении сущности и явления поставлен в философии Канта как вопрос о соотношении вещи в себе (которую Кант понимает фактически именно как сущность) и явления. Надлежит подробно разобраться в том, что представляет собою кантовская вещь в себе и как он понимает явление.

Кант, конечно, был антиметафизиком-критицистом и враждебно относился к лейбнианско-вольфианской догматической метафизике своих предшественников. Он стремился к тому, чтобы «философия пробудилась от догматического сна и принялась за трудное дело критики самого разума» (4(1), 158)**. Но перед Кантом стоял поставленный догматической метафизикой вопрос: чем приводится в движение мир и человеческое познание? Метафизика отвечала на этот вопрос догматически односложно: богом. Кант изгоняет из своей теоретической философии концепцию бога как первотолчка мира и познания. Роль «изгоняющей метлы» в его философии выполняет вещь в себе.

Кант не только говорит, что «вне нас существуют тела, т. е. вещи» — вещи в себе, но называет их также «действительными

* На Пленарном заседании Вторых кантовских чтений в связи с докладами профессоров Е. П. Ситковского и Л. А. Абрамяна развернулась дискуссия, в которой приняли участие профессор И. Нарский, Г. Тевзадзе, кандидаты философских наук В. Жучков и А. Кравченко. Профессор И. Нарский в своем выступлении высказался против утверждения логика из ГДР Хорста Весселя, который заявил, что вещь в себе есть пустой термин, как и ноумен (см.: Zum Kantverständnis unserer Zeit. Berlin, 1975; H. Wessel. Logik und Philosophie. Berlin, 1976, Kap. III, § 12).

Кроме того, оратор подверг критике идущую от Г. Мартина (ФРГ) концепцию, по которой вещь в себе у Канта является ноуменом будто бы только в значениях понятия границы познания, недостижимого идеала и объективно-идеалистической сущности (бог, свободная воля и т. д.), тогда как вещь в себе в значении источника аффицирования чувственности якобы неноуменальна. В действительности ноумен соответствует вещи в себе в любом ее значении; недаром среди идей чистого разума как недостижимых идеалов познания имеется также и космологическая идея, которая как раз связана с вещью в себе в значении аффицирования. Однако не вполне точно и отождествлять ноумен с вещью в себе: ноумен есть понятие о вещи в себе, а свойства понятия далеко не полностью совпадают со свойствами предмета понятия. Полностью выступление профессора И. С. Нарского будет напечатано в 4-м выпуске сборника (*прим. ред.*).

** Все цитаты из Канта в статьях сборника (за исключением особо оговоренных случаев) даются по изданию: Иммануил Кант. Сочинения в шести томах, т. 1—6. Под ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. М., «Мысль», 1963—1966 гг.; в тексте в круглых скобках первая цифра означает том этого издания, вторая — страницу.

предметами» (4(1), 105), т. е. наделяет их в качестве действительных способностью действовать, проявлять упомянутую только что способность быть толчком по отношению к чувственной (эстетической) способности познающего Я. Они аффицируют человеческую познавательную способность — воздействуют на нее и приводят ее в состояние функционирования, когда она, эта способность, в итоге воздействия на нее вещи в себе обнаруживает в себе то, что Кант называет хаосом ощущений, образующим тот материал, из коего пространственная и временная формы чувственного созерцания формируют предметы чувственного опыта или, выражаясь иначе, формируют вещи «как предметы возможного опыта» — в противоположность вещам в себе. Совокупность этих предметов «возможного опыта», упорядоченная с помощью категорий рассудка, «есть собственно то, что мы здесь называем природой» (4(1), 114).

Ленин констатирует: «Кант допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе»¹. Это определение того, что в данном случае имеется у Канта. Сам Кант заявлял, что в результате воздействия вещи в себе на наше познающее Я мы получаем явления, правда, с тою оговоркою, что эти явления «суть простые представления чувственности», а не отображения свойств вещей в себе (4(1), 105).

Ленин в этой связи указывает, что в своем допущении соответствия наших представлений вещам в себе Кант проявляет себя как материалист². Т. И. Ойзерман в статье «Учение Канта о «вещах в себе» и ноуменах» развивает ленинскую идею о наличии в кантовском учении о вещи в себе материалистической тенденции. С этим гармонирует кантовское решительное отмежевание от философского идеализма в «Прологеменах» (4(1), 105) и пространное «Опровержение идеализма» в «Критике чистого разума» (3, 286—289).

Но не следует делать в этом направлении преувеличений. Если дело изображается так, будто, по Канту, «то, что является, и есть вещь в себе»³, или, как говорит П. Д. Шашкевич, «кантовские явления как предметы познания представляют собой все-таки явления «вещей в себе»⁴, т. е. если толковать соотношение вещей в себе и явлений у Канта в духе ленинской формулы «...сущность является. Явление существенно»⁵, отнесенной Лениным к гегелевской диалектике, то тогда совершенно исчезнет агностицизм Канта и то соответствие, о коем говорится в приведенной цитате из Ленина, превратится буквально в теорию отражения. Стирается агностицизм у Канта, полагаем мы, если будем настаивать еще и на коренном различии понятий «вещь в себе» и «ноумен» у Канта.

У Канта сотни высказываний, противопоставляющих вещь в себе и явление, отстаивающих непознаваемость вещи в себе и полную субъективность по содержанию явления, трансцендент-

ность вещи в себе и абсолютную имманентность (для Я) явления, Кант педантично настаивал на этом исходном пункте своей философии агностицизма⁶. Уже из этого можно сделать вывод о том, что явления у Канта отнюдь не суть явления вещей в себе, от коих они отделены принципиальной гранью. На самом деле явления вещей в себе у Канта суть явления (предметы, вещи, тела) субъективной познавательной способности, суть конструкции кантовского трансцендентального Я, а вещи в себе остаются по ту сторону человеческого Я (субъекта)—в непознаваемом потустороннем мире.

Надо добавить, что под вещью в себе Кант понимал, в частности, и душу, и сверхъестественный дух, т. е. бога. А трансцендентальная диалектика Канта доказывает, что для познания кантовская вещь в себе не выявляется ни как бог, ни как дух, но, увы, также и ни как материальное начало!

Т. И. Ойзерман признает, что «Кант иной раз относит вещи в себе к ноуменам»⁷. Я бы сказал, что Кант, как правило, берет понятия вещи в себе и ноумена как равнозначные. Рассмотрим несколько случаев из «Критики чистого разума». Например, Кант говорит, что ноумен есть вещь (и вещь в себе), поскольку вещь (и ноумен) не есть объект чувственного созерцания и поскольку вещь (и ноумен) могли бы быть объектами нечувственного созерцания, каковое, однако, несвойственно человеку. Ноумены суть вещи, «которые рассудок должен мыслить без отношения к нашему способу созерцания» (3, 308). Далее Кант прямо заявляет: «Понятие ноумена, т. е. вещи, которую следует мыслить не как предмет чувств, а как вещь в себе...» (3, 309). Он говорит, что понятие ноумена «необходимо для того, чтобы не распространять чувственных созерцаний на сферу вещей в себе», откуда проистекает определение ноумена как демаркационного понятия, ограничивающего притязание познавательной способности человека. Но эту задачу у Канта решает и сама вещь в себе, смысл которой сводится к тому, что она обозначает именно непознаваемую объективную сущность тех вещей и предметов, которые наличны в сознании. Далее, Кант говорит, что рассудок не мог бы создать синтетических положений, если обосновывающие их категории относились бы не к возможному опыту, а к вещам в себе (Noumena) (3, 313)⁸. А далее он утверждает: мыслимое (в суждении я мыслю) разумеется как действительное, но «не как вещь в себе (ноумен)», т. е. Кант ставит рядом эти понятия, утверждая их однопорядковость (3, 383). В «Пролегоменах» Кант также сопрягает понятия «вещь в себе» и «ноумен», можно сказать, на каждом шагу. Например: «Чувственно воспринимаемый мир содержит только явления, которые вовсе не вещи в себе: а эти последние (ноумены) рассудок должен допустить...» (4(1), 185). Здесь же Кант поясняет, что опыт сам себя не ограничивает, а ограничивает его то, что целиком находится вне опыта, «это-то и есть сфера

чистых умопостигаемых сущностей» (4(1), 185), причем под умопостигаемыми сущностями Кант понимает вещи в себе и ноумены, о которых мы не имеем ни малейшего понятия.

В «Пролегоменах» же Кант говорит, что человек должен мыслить высшую нематериальную сущность — ноумены, потому что только в них как в вещах самих по себе разум находит полноту и удовлетворение (4(1), 178). Там же Кант утверждает, что «все такие ноумены и совокупность их — умопостигаемый (интеллигибельный) мир» суть не что иное, как представление о некоторой задаче, решение которой совершенно невозможно, так как они находятся вне сферы возможного опыта (4(1), 136). Далее Кант заключает: «Подобного рода гиперболические объекты суть так называемые ноумены, или чистые умопостигаемые (вернее, мыслительные) сущности» — и перечисляет их: субстанция, причина (в смысле сущности) и т. д. Разум стремится к ним, чтобы прикрепить к ним и завершить цепь предметов опыта, но, увы, у разума нет средств, чтобы совершить трансцендентное применение этих средств к запредельным понятиям (4(1), 154), т. е. вещам в себе.

Итак, мы считаем, что у Канта понятия вещей в себе и ноуменов совпадают в том смысле, что оба они означают запредельные и мысленные, непознаваемые сущности. Но, как говорил Гегель, нет тождества без различия. Есть различие и в данном тождестве. Как отмечалось в работах о философии Канта, понятие вещи в себе более выявляет объективность вещи в себе как независимой от Я и в то же время непознаваемой сущности, а понятие ноумена подчеркивает нашу возможность рассуждать о вещах в себе, хотя последние имеют функцию демаркационного понятия, выражающего запретность для человеческого ума непознаваемого (интеллигибельного) мира.

Ленин спрашивает: что общего у двух философов — Юма и Канта? — «То, что они принципиально отгораживают «явления» от того, что является, ощущения от ощущаемого, вещь для нас от «вещи в себе», причем Юм ничего знать не хочет о «вещи в себе»...; Кант же допускает существование «вещи в себе», но объявляет ее «непознаваемой», принципиально отличной от явлений, принадлежащей к иной принципиально области, к области «потустороннего» (Jenseits), недоступного знанию...»⁹. В этом и состоит прежде всего агностицизм Канта.

Добавим еще, что в «Критике чистого разума» есть раздел, который называется: «Об основании различения всех предметов на феномены и ноумены». Он дается в книге в двух вариантах. В варианте из первого издания «Критики чистого разума» Кант в самом начале раздела объявляет, что феномены и есть явления, мир чувственно воспринимаемый. Ноумены — это умопостигаемые вещи в себе, ибо Кант здесь прямо говорит об объективной реальности ноуменов (3, 719). Согласно Канту, феномен — все, что может быть предметом возможного опыта, что дано во

времени или пространстве и в чем обнаруживаются отношения, определяемые категориями. Кант противопоставляет феномен ноумену или «вещи в себе». Это же очень обстоятельно разъясняется в аналогичном разделе из второго издания основного сочинения Канта.

Конечно, Кант часто говорит, что «явления всегда предполагают вещь в себе и, следовательно, указывают на нее» (4(1), 178). И Ленин, как мы ранее отмечали, обращает внимание на то, что, по Канту, нашим представлениям как-то соответствует вещь в себе. Но Кант уже прямо заявляет, что «чувственно воспринимаемый мир содержит только явления, которые вовсе не вещи в себе», причем еще добавляет, что рассудок «признает предметы опыта лишь явлениями», но отнюдь не вещами в себе (не ноуменами, не сущностями) (4(1), 184).

Надеемся, основная линия наших полемических рассуждений ясна. Кант — великий философ и не нуждается в том, чтобы к его великому труду делали «добавления», которые передают его взгляды неточно и ставят в непонятное положение следующих за Кантом столь же великих немецких философов — Фихте, Шеллинга, Гегеля. Ибо тогда не ясно, с чем же они воевали, зачем спорили с Кантом и что внесли нового по сравнению с тем, что было у Канта.

¹ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Полн. собр. соч., т. 18, с. 206.

² См. там же.

³ Ойзерман Т. И. Учение Канта о «вещах в себе» и «ноуменах». — «Вопросы философии», 1974, № 4, с. 123.

⁴ Шашкевич П. Д. Эмпиризм и рационализм в философии Нового времени». М., 1976, с. 286.

⁵ Ленин В. И. Философские тетради.— Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.

⁶ Все эти высказывания Канта о явлениях в противоположность вещам в себе скрупулезно перечислил Б. А. Фохт в составленном им предметном указателе (см.: Кант И. Прологомены. Изд. 2-е. М., 1937, с. 245).

⁷ Ойзерман Т. И. Учение Канта о «вещах в себе» и ноуменах, с. 123.

⁸ В «Философском словаре» Г. Клауса и М. Бура (Philosophische Wörterbuch. Berlin, 1970, Bd 2, S. 801) отмечается, что понятие ноумена является одним из основных понятий философии Платона и разработано им в «Государстве» (см.: Платон. Соч. в 3-х томах, т. 3 (1). М., 1971, с. 315—320), а также комментарий А. Ф. Лосева на с. 582 того же тома). В советской «Философской энциклопедии» (т. 3, М., 1967, с. 100) отмечается, что у Канта ноумен — синоним понятия «вещь в себе». Но если у Платона под умопостигающим знанием имеется в виду знание, постигающее идеи — сущности вещей, то у Канта под умопостигающим знанием разумеется знание, стремящееся к познанию сущности вещей, но не достигающее ее.

⁹ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Полн. собр. соч., т. 18, с. 101.